

Любовь к природе.

Первобытный собиратель, охотник, садовод были естественными членами экологических систем. Казалось бы, их влияние на природу не было разрушительным и они не нуждались в запретах поведения, нарушающего окружающую среду. Более того, обладай они сильными запретами, человек не мог бы идти по пути прогресса. Но и представление о том, что только в наше время люди столкнулись с отрицательными последствиями своего воздействия на окружающую среду, неверно.

Отдельные узкоспециализированные, обитающие на ограниченной территории популяции неоднократно испытывали на себе катастрофические последствия собственных ошибок. Если подрывалась пищевая база — наступали голод и смерть. Полагают, что в ледниковый период были популяции охотников на мамонтов. Такая охота требует очень узкой специализации. Вымерли ли мамонты сами, истребили ли их охотники — так или иначе, культура охотников на мамонтов резко обрывается. Вероятно, они разделили судьбу вымерших гигантов. В Америке так же обрывается культура охотников на гигантских ленивцев — вместе с ленивцами. В конце неолита в Европе исчезают культуры охотничьих племен — их сменяют культуры собирателей-земледельцев и скотоводов, появляющиеся как бы в готовом виде. Некоторые ученые полагают, что охотники подорвали численность диких животных и вымерли. Собиратели-земледельцы и настоящие земледельцы, заселившие их земли, пришли из других мест. Неумеренный выпас скота и выжигание саванны превратили Аравию, а затем и Северную Африку в пустыню. И от некогда многочисленных ее обитателей почти никто не остался. Истощенные и брошенные земли, хранящие материальные остатки своеобразных культур, встречаются на всех материках. Где их обитатели? Все они жертвы катастроф, вызванных разрушением окружающей среды.

Раз погибали те, кто не мог остановиться вовремя, раз выживали те, кто не доводил среду до катастрофы, значит, мог действовать естественный отбор: вырабатывались защитные механизмы, изменявшие поведение популяции при опасном нарушении экологической среды. Один из таких механизмов — любовь к природе. Жалость к животным, к деревьям. Стремление не портить их зря, больше необходимого. Удивительное качество — сопереживание страданиям чуждых нам существ. С ним рождается почти каждый из нас. Его очень легко развить и усилить в ребенке, довести до полного психологического запрета. Правда, это чувство глохнет, когда ребенок убеждается, что взрослые, поведению которых он доверяет и подражает, легко нарушают этот запрет.

40 Европейская цивилизация, встав на путь быстрого прогресса, нуждалась
в вере человека в свои силы, в способность бороться с природой,
побеждать и преобразовывать ее. Философия, искусство, наука, религия —
каждая по-своему — культивировали в человеке убежденность в своей
исключительности, независимости от природы. Вдумайтесь, разве не
45 странная последовательность признания обществом совсем не сладких
для божьего избранника фактов: сначала — что Земля не центр Вселенной,
затем — что и Солнце только рядовая звезда (все совсем не очевидные
истины). И только лишь спустя столетия куда более очевидное: человек —
один из видов животных, и обезьяны — его ближайшие родственники.
50 Легко ли нам после стольких веков безжалостного покорения природы
одуматься? Убедить каждого члена общества, что настало время
заботиться об окружающей среде? Инерция может быть очень велика.

И если учесть, как трудно перестроить настроение каждого члена
общества, убедить каждого от чего-то добровольно отказаться, становится
55 ясно, что прогресс в охране природы за последние три-четыре десятка лет
во многих странах поразительно велик. У нас в стране он начался позднее,
но зато нарастает лавинообразно.

Изменения в настроении людей столь значительны, что возникает
вопрос: не начали ли срабатывать какие-то бессознательные защитные
60 механизмы? Чего ради горожанин, живущий в самом удобном поселении за
всю историю человека — городе, создавший его для себя в соответствии со
своими желаниями и замыслами, начал вдруг тяготиться им, стремится
вырваться на природу? Сидя у телевизора в Москве, переживать за судьбу
жирафа в Африке, слонов на Цейлоне и утконосов в Австралии? Не умнее
65 ли мы, не предусмотрительнее ли собственного разума?

Агрикультурно-урбанистические цивилизации неоднократно возникали
и существовали тысячелетиями. Ландшафт Древнего Египта — поля,
дамбы, насосы, каналы. Так же унылы ландшафты древних цивилизаций
Китая, Индии, Месопотамии. И люди, люди, тысячи на квадратный
70 километр. Нет места природе. Культы богов, культы героев. Но —
удивительно! — вместе с тем и культы священных животных и растений.
Посетивший Древний Египет Геродот с изумлением описывает их. В
Нижнем Египте, наиболее заселенном и окультуренном, горожане рыли
пруды, в которых содержали бегемотов и крокодилов. Их кормили за
75 общественный счет, и горе тому, кто их обидит. Священна кошка,
священны ибисы, даже некоторые насекомые. Нельзя рвать священные
цветы, священными рощами можно только любоваться. И в то же время в
Верхнем, менее обжитом, Египте на крокодилов и бегемотов разрешалось
охотиться. Там их еще встречалось много. Священными, в сущности просто
80 охраняемыми, являлись многие животные в Индии.

85 Прообразы заповедников, заказников, зоопарков. Нормы поведения, которые мы хотим выработать. Все это было, значит, возможно и вновь. Еще недавно ученый педант разъяснял на примере священных животных и растений неразумность и религиозный фанатизм древних египтян, а теперь тот же пример мы приводим как символ их высокой культуры и осмотрительности.

90 Человек разумный не появляется на свет, ничего не зная о нем. Он рождается с программами поведения в этом мире. С огромным набором напутствий, выстраданных и проверенных в несметном числе поколений его предков, в калейдоскопе ситуаций. Тщательно отобранных, умело сформированных инстинктов.

95 Мы обсудим для начала не самые важные, не самые очевидные из них. Напротив, почти забытые, почти ненужные, проявляющиеся в небольших наших странностях, привычках, пристрастиях, хобби, таких неясных, необъяснимых для нас самих. Но куда более понятных, если мы обращаемся к образу жизни наших предков.

100 Инстинкт удивительно корректен по отношению к разуму. Древний повелитель поведения, он обычно не командует, не требует слепого подчинения, даже не советует. Он только незаметно направляет желания и мысли, оставляя разуму полную свободу облечь желание в подходящую времени и обстановке форму. Ведь он, инстинкт, древен и консервативен. Жизнь же меняется, на то и дан разум, чтобы ориентироваться в

105 меняющихся, нестандартных ситуациях и принимать решения. Нам кажется, что мы поступаем так, а не иначе потому, что так хотим, нас так воспитали, это наше убеждение, — и почти никогда, что нас побуждает к этому что-то слепое, грубое, враждебное нашему разуму. Нам так трудно поверить, что в мотивации нашего поведения участвуют инстинкты. Ибо разум почти никогда не борется с инстинктом и инстинкт не глушит

110 разум. Они сотрудничают. Миллионы лет.

Отрывок из книги В.Р. Дольника «Непослушное дитя биосферы»